

**МАТЕРИАЛЬНЫЙ НОСИТЕЛЬ ИНФОРМАЦИИ (МНИ) ПРОДУКТА ДЕЯТЕЛЬНОСТИ
С ЗАКРЕПЛЕННОЙ ИНФОРМАЦИЕЙ (ПДЗИ) СИЛЬНЕЕ!
(дискуссия в защиту документоведения)**

Ю.Н. Столяров

**MATERIAL CARRIER OF INFORMATION (MNI) OF ACTIVITY PRODUCT
WITH FIXED INFORMATIONH (PZDI) IS STRONGER
(discussion in defence of document science)**

Yu.N. Stoliarov

В статье Ю.В. Нестеровича «О терминосистеме и экспликации базисных понятий документоведения» [1] предлагается рассматривать документ как «классификационный разряд <...> в соответствии с критерием функционального назначения и характера содержащейся в нём социоинформации» [1. С. 54]. К другим видам таких разрядов (классов) он относит «документальные, нарративные, дидактические, справочные, нормативные правовые акты» [1, с.54].

Здесь надо перевести дух и сначала разобраться в сказанном, а затем двигаться дальше. По первому правилу построения классификаций объём понятия делится по *одному* основанию, в ином случае появляется эффект двух зайцев, за которыми исследователь гонится одновременно. Иными словами, автору было бы достаточно остановиться на критерии либо «функционального назначения», либо «характера содержащейся в нём [в функциональном назначении?! – Ю.С.] социоинформации». Заодно требуется разъяснить что понимается под *характером* социоинформации. Введение двух оснований деления одновременно заведомо лишает классификацию научности.

Далее. Выведя понятие *документ* из других видов того, что именуется в статье «предметами деятельности с закреплённой информацией», Ю.Н. Нестерович тут же документальные материалы (наряду с нарративными, дидактическими, справочными, нормативными) вписывает в *другие*, т.е. противостоящие виды (классы)... тех же самых «предметов деятельности с закреплённой информацией» [1]. *Документ*, иными словами, *противопоставляется... документальным материалам*. Следовать за логикой мысли автора, надо честно признаться, весьма затруднительно.

Такая, с позволения сказать, классификация понадобилась Ю.В. Нестеровичу для того, чтобы избавить «документоведов от кошмара идентификации в качестве документов всяких книжных изданий, музейных экспонатов, этикеток и т.д.» [1]. Одновременно автор избавляет «чистых» документистов от документов личной переписки, мемуаров, дневников [1].

Если бы экзерсисы автора были текущими размышлениями по актуальному вопросу, к ним можно бы отнестись вполне снисходительно. Но Ю.В. Нестерович-то полагает, что его классификация позволяет преодолеть идейную конфронтацию между представителями «классического» и «постклассического» документоведения. Он претендует на то, что предлагаемая классификация закладывает один из краеугольных камней в основание терминосистемы документоведения, зиждущейся на непротиворечивом соотношении его базисных терминов [1].

Поэтому к предлагаемым новациям приходится отнестись более внимательно. При этом потребуется рассмотреть методологические основания и всей концепции Ю.В. Нестеровича.

Представления Ю.В. Нестеровича о сущности документа

Итак, понятие «документ» Ю.В. Нестерович предлагает рассматривать как частный случай так называемого предмета деятельности с закреплённой информацией. «Предмет деятельности» выступает при этом в качестве собирательного понятия. В интерпретации Ю.В. Нестеровича дефиниция документа выглядит следующим образом: документ – это принципиально доступный для восприятия и усвоения индивида предмет деятельности с закреплённой

информацией, атрибутивным компонентом которого выступает социальная информация, континуум(ы) знаков (постсигналы). Неатрибутивный компонент документа – материальный носитель информации [там же]. К материальному носителю информации мы ещё вернёмся.

Рассмотрим суть этого определения. Под него легко подпадают не только собственно управленческие документы, ради вычленения которых из общей массы других видов трудился автор, но и любые другие, какие угодно, - при условии, что они несут социально значимую информацию в знаковой форме. Несут ли такую знаково оформленную информацию «всякие книжные издания, музейные экспонаты, этикетки и т.д.», которые воспринимаются автором на уровне кошмара? Уверен, что при всей его претенциозности Ю.В. Нестерович будет вынужден ответить на этот вопрос положительно. Его трактовка предмета документоведения (управленческого) скорее затемняет, чем проясняет этот предмет, поскольку в ней отсутствует хоть один специфический именно для управленческого документа признак. Но тогда выглядят необоснованными не «посягательства представителей смежных с документоведением научных дисциплин на включение в наименование их терминологического элемента «документоведение», а посягательство Ю.В. Нестеровича на документологию как собирательную науку (или метанауку – в трактовке А.В. Соколова [2]) о документе, да и на документоведение как таковое – хоть в широкой его интерпретации, хоть в узкой.

Поясню последнюю часть этого умозаключения.

Управленческое документоведение теснейшим образом связано с архивоведением. Их роднит общее, одинаковое понимание документа, поскольку из канцелярии потерявший первоначальную актуальность документ перекочёвывает в архив. Технологически принципиально важно, чтобы при передаче документа на архивное хранение над ним производился минимум технологических операций, чтобы вся технология работы над документом в канцелярии и в архиве была согласована и унифицирована. Собственно, понятие документа в канцелярию и пришло из архива. Понятийный ряд документоведения и архивоведения закономерно регламентируется одним и тем же стандартом.

В архиве, однако, хранятся не только бывшие канцелярские документы, но также эпистолярии, «всякие книжные издания [Книжные палаты – это архивы печати], этикетки и т.д.», - всё то, что дважды на протяжении статьи воспринимается Ю.В. Нестеровичем как дурной сон.

Внесение раскола между документоведами и архивоведами в понимании документа – только этого ещё не хватало в и без того сложном и противоречивом состоянии общей теории документа. В любом случае приходится констатировать, что предложенное определение управленческого документа, если называть вещи своими именами, маловразумительно.

ПДЗИлогия?!

На роль собирательного термина для всех видов документа Ю.В. Нестерович выдвигает «продукт деятельности с закреплённой информацией» [1]. Термин этот невероятно громоздок, его аббревиатура звучит просто неприлично. Производить от него какие бы то ни было качественные прилагательные – а это обязательное условие для научного термина (например, от слова документ можно произвести прилагательные документный, документаризованный, документовый, документарный, документский, документивный и т.д., а также сложносоставные - документологический, документоцентрический, документономический и пр.) – совершенно невозможно. Следовательно, предлагаемый словооборот абсолютно лишён возможности претендовать на роль научного, тем более базового, термина.

Но главное в ином. Вдумаемся в каждое слово предлагаемого словосочетания. *Продукт* - имеется в виду уже готовый продукт? А кто его произвёл? И из чего? И чем он при этом руководствовался? И каковы отличительные признаки этого продукта? *Деятельности* – чьей? Того, кто этот продукт производил, или того, кто этим продуктом воспользовался? И зачем здесь вообще упоминать о деятельности? Не лучше ли было бы обойтись без этого слова? Тогда осталось бы: *продукт с закреплённой информацией*. Правда, аббревиатура - столь любимое Ю.В. Нестеровичем увлечение – от сокращённого словосочетания всё равно звучала бы тоже мерзко. Но, по крайней мере, пять вопросов отпали бы сами собой без потери содержания.

Вникаем дальше. *С закреплённой информацией* – закреплённой производителем продукта, или существовавшей на (в) продукте до его производства, или нанесённой и закреплённой потребителем продукта? В какой форме записанной? В какой форме закреплённой? На чём и каким способом, каким инструментом и т.д. закреплённой? Существует ли информация незакреплённая, т.е. гуляющая, словно кошка, сама по себе?

Ответ на последний из более чем десятка предварительных методологических вопросов у автора имеется: - МНИ. Имеется в виду не глагол «мять» в повелительном наклонении – *мни* (подобно глаголам *жги, дави, гони, жми, гни*), а в смысле «материальный носитель информации». Злоупотребление аббревиатурами – свидетельство стремления к копеечной экономии речи в ущерб уважению к читателю, которому приходится запоминать аббревиатуры вместо того, чтобы усваивать и анализировать содержание авторского произведения. При этом ещё и тратит время на то, чтобы то и дело возвращаться к предыдущему тексту в поисках первой расшифровки сокращений слов, упуская основную авторскую мысль.

Сдержим, однако, досаду на всевозможные ПДЗИ, МНИ, ДИП, УД¹, ИЭ, щедро рассыпанные по тексту статьи, и попытаемся сопоставить ПДЗИ с МНИ (прошу у читателя прощения за то, что пользуюсь выражениями Ю.В. Нестеровича, но, во-первых, из песни слова не выкинешь, а во-вторых, привожу эти аббревиатуры в последний раз).

Что стоит за термином «материальный носитель информации»? Разве может быть носитель информации нематериальным? Ясное дело, что оптоволоконный кабель – вполне материальный носитель электронной информации. Если информация сосредоточена (закреплена) в голове, скажем, Юрия Владимировича Нестеровича, то её носителем являются мозговые извилины серого вещества. Если автор знает виды нематериальных носителей информации, которым противопоставляет материальные, то об этом стоило бы оповестить своих читателей. Если таковые виды отсутствуют, слово «материальный» в терминологии избыточно. Рассуждать о материальности носителя целесообразно в случае когда речь заходит о видах материи, о видах носителей – например, о видах основы (подосновы, надосновы) носителей записи (бумага, пластик, стекло, целлулоид...) в отличие от видов материала самой записи (чернила, паста, краска, электромагнитные импульсы...).

В выражении «материальный носитель информации» нет указания на её закреплённость, но оно присутствует в выражении «продукт деятельности с закреплённой информацией». Зато в последнем выражении (продукт...) опущен факт наличия носителя. Иными словами, два эти термина, взятые в логике их создателя, взаимно обеднены, и ими приходится оперировать в совокупности. Но коль скоро указание на закреплённость информации в одном из терминов присутствует, возникает вопрос о целесообразности этого указания. Что понимается под закреплённостью? В течение какого времени информация должна быть закреплена, чтобы «предмет деятельности» получил статус главного терминообразующего элемента теории Ю.В. Нестеровича?

При внимательном прочтении статьи Ю.В. Нестеровича обнаруживается, что введённая им аббревиатура означает сначала «*продукт деятельности с закреплённой информацией*» [1. С. 53], а потом, уже на следующей странице, «*предмет деятельности с закреплённой информацией*» [1. С. 54]. Тут остаётся только руками развести...

Ещё один существенный вопрос состоит в следующем: как именовать теорию о то ли предмете, то ли продукте с закреплённой информацией? Термин от наименования её предмета образовать просто-напросто невозможно, да автор к этому, как ни удивительно, и не стремится. Он не ставит вопрос ни об этом, ни о соотносённости будущего наименования с известными

¹ Самое пристойное толкование этого слова: «Уд - часть тела человека или животного (обычно о конечностях)». Какая именно часть – в приличном обществе обычно не уточняют. Кому непонятно, но интересно, – посмотрите более точные синонимы. Напр.: www.classes.ru/all-russian/russian-dictionary-Ushakov-term-77735.htm.

дисциплинами – документологией, документоведением, документалистикой. Отрасль знания, имеющую предметом «предмет?/продукт? деятельности с закреплённой информацией» (пардон за косноязычие, но иначе не скажешь), Ю.В. Нестерович продолжает называть то документологией, то документоведением. Обоснования правомерности такого решения мы в его статье не находим.

Вывод

Заявленная попытка заложить «в основание терминосистемы документоведения, зиждущейся на непротиворечивом соотношении его базисных терминов», один из основных краеугольных камней так попыткой и осталась. Своей статьёй Ю.В. Нестерович создал, конечно, «и предмет, и продукт деятельности с закреплённой информацией». Вот только продукт этот пока что несъедобен. Поблагодарим автора за стремление поработать во благо общей теории документа и пожелаем ему успехов на этом благородном поприще.

Использованная литература

1. Нестерович Ю.В. О терминосистеме и экспликации базисных понятий документоведения / Ю.В. Нестерович; М-во культуры України; Київський нац. ун-т культури і мистецтв; Ін-т держ. управління права; Кафедра держ. управління // Термінологія документознавства та суміжних галузей знань : зб. наукових праць. – Вип. 6. Київ, 2012. – С. 51-59.
2. Соколов А.В. Документология как метатеория документной коммуникации / А.В. Соколов // Книга. Исследования и материалы. – М. : Наука, 2009. – Сб. 91/І-ІІ. – С. 43-49.